

СПЕКУЛЯТИВНЫЙ РЕАЛИЗМ ДЛЯ ФИЛОСОФСКИХ «МИЛЛЕНИАЛОВ»¹

Б.В. Подорога
Институт философии РАН

Аннотация: В настоящей статье я обсуждаю перспективное поколение философов, родившихся в середине 80-х, начале 90-х годов прошлого века. Я связываю его с новейшим философским течением, «спекулятивным реализмом». Главный тезис настоящей статьи: названное поколение философов с помощью антикорреляционистского тезиса спекулятивного реализма пытается обновить онтологию различия, связанную с французской теорией и неомарксизмом. Также я сопоставляю социологическое понятие поколения миллениалов с указанным поколением философов, популяризирующих спекулятивный реализм.

Ключевые слова: поколения, спекулятивный реализм, миллениалы, корреляционизм, онтология различия.

Введение

Спекулятивный реализм – модное течение западной философии, возникшее в начале XXI века, – серьезно повлиял на формирование философских взглядов моих сверстников. Стремление к автономии мышления, предельно рефлексивное отношение к любым установкам мысли, критика научных авторитетов, не характерная для предшествующих поколений, у ряда моих коллег в возрасте 30 лет выработались в условиях увлечения мыслью таких авторов, как К. Мейясу, Р. Брассье, Г. Харман и др.

Многие мои сверстники – я ориентируюсь на примеры Александра Писарева, Артема Морозова, Полины Хановой – формировались под влиянием феноменологии и французской теории, но в промежутки между 2010 и 2015 годами увлеклись текстами спекулятивных реаллистов. Они же вместе с другими отечественными специалистами (Д. Кралечкиным, издательством Hyle Press и др.) начали переводить эти тексты на русский язык. На мой взгляд, увлечение спекулятивным реализмом позволило им обновить теоретический аппарат упомянутых направлений мысли.

В этой связи нельзя обойти стороной вопрос о философских поколениях и, следовательно, о понятии поколения как таковом. Понятие поколения отсылает к разрыву между различными видами общественного уклада, ценностно-нормативными рядами и мировидени-

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 1084–1092.

ями. Поколение – это теоретический конструкт или конструкт обыденного мышления, возникающий в горизонте перехода от домодерных обществ к современным, в условиях которого непрерывность традиций (родовых, профессиональных, сословных, корпоративных) распадается, и индивид утрачивает социальную и мировоззренческую укорененность, что делает его открытым к новым и самым разнообразным видам опыта. Поколения в свернутом виде содержат в себе представления об исторических трансформациях, выражаемых в словах «раньше и позже», «тогда и сейчас» и часто связанных с ожиданиями Нового Мира, Общества, Идей и так далее [Левада, Шанин 2005: 64]. При этом всякое новое поколение в той или иной форме учитывает опыт предшествующих поколений. Особенно это характерно для поколений «по роду деятельности» – писателей, врачей, художников, ученых, философов, инженеров и т. д. Однако во всех других случаях, в том числе и в случае с философией, процессы наследования, отвержения, переработки являются обязательными. Подобная передача опыта воспроизводится образовательными институциями, но конечно же к ним не сводится.

Выделим следующие виды поколений:

1) генеалогический (бабушки, дедушки, мамы, папы);
2) социологический, предполагающий, что люди в силу близости дат рождения проходят сходными этапами биологического и социального развития в рамках определенных обществ. Характерным типом социологического анализа поколений являются монографии Н. Хоу и У. Штрауса, В. Радаева, выделяющих ставшие хорошо известными поколения бэби-бума, поколения X, миллениалов и так далее;

3) исторический, который предполагает формирование образа поколения исходя из общности эпохи (например, дореволюционное и советское поколения). Важной чертой исторического понимания поколения является то, что оно предполагает завершенность. В этом плане о поколении можно говорить только тогда, когда его представители уйдут. Вспомним гегелевскую фразу «Сова-Минерва вылетает в сумерки».

Среди исторических поколений можно выделить культурные поколения – литературные, научные, политические, художественные и, наконец, философские поколения, опознающиеся по общности стилей, парадигм, идеологий, идей и способов мысли. Так, среди философских поколений можно выделить немецких романтиков (Ф. Шеллинг, Гегель, Франц фон Баадер, братья Шлегели, Ф. Гельдерлин), которые были почти ровесниками и, по крайней мере на первых этапах своего творчества, чрезвычайно близкими по взглядам людьми, которые попытались на теоретическом уровне ассимилировать опыт Великой французской революции. Поколения выдающихся европейских интеллектуалов, родившихся в конце XIX века, объединенных феноменологической исследовательской программой и консервативными идеями (М. Хайдеггер, М. Шелер, К. Шмитт, Х. Плеснер и др.);

4) и наконец, четвертый тип поколений определяется тем, что я называю профетическим философским поколением. Это уже не понятие, а скорее образ поколений. Скорее речь идет о странном занятии предсказывания формирования последних. Я сделал попытку выявить характерные для моих сверстников тенденции мышления и бытия и описать их перспективы, что конечно же неприемлемо с точки зрения исторического анализа поколений.

Интересы

Александра Писарева и Артема Морозова можно соотнести с целой группой ученых, выходцев из МГУ, занимающихся новейшими тенденциями современной западной философии – новыми онтологиями, спекулятивным реализмом и современной социальной теорией. Среди них – Полина Ханова, Алексей Салин, Артем Морозов. Это мои коллеги, работающие в секторе социальной философии Института философии РАН либо работавшие в нем ранее.

Они занимаются разными темами. Алексей Салин – теорией геймификации. Александр Писарев – темой конечности у Хайдеггера и проблемами научного знания. Писарев активно обсуждает идеи Куна и Фуко в свете актуальной социокультурной повестки. Мы пришли с ним работать в Институт философии в одно время – в конце 2016 года. Александр Писарев к тому моменту уже успел сделать немалый вклад в отечественную науку: он перевел на русский язык работу «Правительность» Митчелла Дина, вместе со Станиславом Гавриленко и Павлом Астаховым подготовил трехтомник «Логоса», посвященный акторно-сетевой теории и плоским онтологиям. Артем Морозов занимается «нефилософией» Ф. Ларуэля, Полина Ханова – Деррида, Делезом и спекулятивным реализмом.

Эти молодые ученые коллеги объединены интересом к спекулятивному реализму – новейшему течению современной философии, сформировавшемуся в 2000-е годы. Спекулятивный реализм ассоциируется, прежде всего, с «годсмитовской четверкой»: французским философом Квентином Мейясу, британским специалистом в области философии жизни Йеном Хамилтоном Грантом, научным нигилистом Рэем Брассье и объектно ориентированным онтологом Грэмом Харманом. Это четыре совершенно разных мыслителя, которые почувствовали между собой некоторую концептуальную общность и в 2007 году решили организовать в Годсмите встречу, чтобы выявить ее природу. Оказалось, что это антикорреляционистский тезис, направленный против посткантовской философской «традиции», включающей в себя феноменологию и «постмодернизм». В основе посткантовской мысли или философии корреляции лежит допущение, согласно которому мы можем мыслить реальность, только исходя из того, как она нам дана: «...не может быть никакого X без данности X, и никакой теории об X без полагания X». Речь идет о том, что реальность всегда-уже с самого начала соотнесена с субъектом. Так, согласно Мейясу, это допущение содержит в себе защиту от любых возражений, поскольку любое из них будет возражением с точки зрения нашего восприятия, сознания, «разума, или культуры, или эпохи и т. д.» [Мейясу 2013]. Антикорреляционизм определяет актуальный проект мысли: выйти за пределы корреляционизма и схватить мир так, как он мог бы существовать вне своего отношения к субъекту. Для моих упомянутых коллег наибольшую значимость имеет скорее сам антикорреляционистский тезис, который рассматривается ими в качестве проблематизации или разрыва связей, которые давно утратили свое рефлексивное содержание и догматически опутывают мысль. Именно этим, на мой взгляд, объясняется их энтузиазм в трансляции идей спекулятивного реализма в лоно отечественной гуманитаристики².

Восполнение образования

Когда я спросил у Александра Писарева, чем конкретно ему оказался близок спекулятивный реализм, он, помимо некоторых концептуальных преимуществ последнего, выделил дух *Do it Yourself* («сделай это самостоятельно»). Писарев описывает свое знакомство со спекулятивным реализмом через сеть англоязычных интернет-блогов, в которых молодые авторы философствовали самостоятельно, методом проб и ошибок, не оглядываясь на уже суще-

² Так, Полина Ханова поучаствовала в недавнем переводе на русский язык книги Г. Хармана «Weird-реализм» (2020), посвященной американскому писателю Говарду Лавкрафту, ставшему литературной иконой спекулятивного реализма. События ужасающей странности (вудуистские ритуалы, Древние и т. д.) подрывают привычный порядок соотношения человека с вещью. В 2019 г. в издательстве «РИПОЛ классик» на русском языке вышла книга Грэма Хармана «Спекулятивный реализм: очень краткое введение», полностью переведенная Александром Писаревым на русский язык. Вместе с Артемом Морозовым он написал и введение к этой книге, где оба автора описали историю антикорреляционизма и описали его актуальность сегодня. Артем Морозов и Олег Мышкин перевели работу Грэма Хармана «Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера» (2015). В 2015 г. под редакцией Хановой на русском языке вышла книга Квентина Мейясу «После конечности» (2015), где доказывается, что природа корреляции состоит в контингентности.

ствующие традиции мышления. Мастерская экспериментального знания, участники которой часто обнаруживали интересные находки, концепты, делали любопытные наблюдения, которые вряд ли были бы признаны старыми философскими дисциплинами.

Этот дух самостоятельно оказался чрезвычайно важен для моего поколения. Писарев/Морозов описывают прочувствованную ими способность новых философов вдохновить на призыв остановить процесс комментирования текстов и рискнуть заняться «чистой философией». Хотя, конечно, Писарев/Морозов признают, что граница между первым и вторым, как правило, является весьма зыбкой. В любом случае этот призыв лег на благодатную почву. Дело в том, что отечественная мысль в том ее виде, в каком с ней столкнулись я и мои ровесники, была дана преимущественно в качестве истории философии. Мы не застали мощных представителей поколения шестидесятников – М.К. Мамардашвили, В. Библера, В.В. Библихина и др., – которые были подлинно оригинальными мыслителями и у которых довелось учиться представителям поколения, родившегося в конце 60-х годов. Конечно, мы не могли пожаловаться на низкое качество образования: у нас преподавали множество выдающихся исследователей. Однако в их преподавании был силен именно историко-философский уклон. Они учили запоминать тексты, глубоко разбираться в понятийном аппарате того или иного автора, правильно понимать дискуссии относительно тех или иных идей и направлений, что конечно же является базовым условием философствования в любых его формах. Однако это не могло удовлетворить запрос в самостоятельном, экспериментальном мышлении, которое почти не имело образовательных оснований. Во время моей учебы на философском факультете РГГУ самым сильным считался курс по истории античной и средневековой философии. Симптоматично, что во всем университете наиболее продвинутым считался филологический факультет. Очень частый упрек, который я зачастую слышал от некоторых профессоров в адрес молодых авторов: «Он не знает историю философии».

В период моей учебы в РГГУ основной формой отчетности был экзамен на знание основных идей, тех или иных авторов и/или философских течений, а часто реферат (т. е., по сути, пересказ). Всё, что касается умения писать самостоятельные философские работы, развивалось гораздо хуже. Курсовые и дипломные зачастую представляли собой большие рефераты. Попытки объяснить, что значит самостоятельно аргументировать и проводить свою мысль, наблюдали только на этапе подготовки кандидатской диссертации, которые, как правило, не были особенно успешными. А как могло быть иначе, если до момента подготовки кандидатской студент только и занимался тем, что пересказывал? К примеру, во Франции не уделяют такого большого внимания истории философии, как в России, но при этом еще со старшей школы учат писать эссе, т. е. самостоятельно вести аргументацию. Я думаю, что увлечение блогами спекулятивного реализма, участие в которых позволяло развивать навыки самостоятельного мышления, было естественной реакцией на то, чего не могли дать институты отечественного образования. Вот почему для Писарева/Морозова важен не столько концептуальный и/или онтологический смысл антикорреляционизма, сколько идея разрыва связей, отягчающих свободное мышление. В случае отечественной связи – это связь с историей, но на ее месте могла бы быть связь языковая, социальная, политическая и т. д.

К онтологии различия

Если говорить о концептуальной преемственности, то мое поколение в лице А. Писарева, А. Морозова и П. Хановой скорее видит себя продолжателем феноменологии, французской теории и новых социальных онтологий, чем спекулятивного реализма. Как мне кажется, на данный момент теоретические позиции Писарева в большей степени формирует философия Мишеля Фуко и его учеников вроде Митчелла Дина и Франсуа Эвальда, нежели филосо-

фия Грэма Хармана, труды которого он активно переводил. То же и с Морозовым. Для него большее значение имеет философия Франсуа Ларуэля и Жилия Делеза, чем Ника Ланда и Ника Срничека. Если обобщать, то здесь мы сталкиваемся с тем, что известно как онтология различия. Я уже говорил о том, что Писарев участвовал в подготовке издания, во многом связанного с творчеством Бруно Латура, а Артем Морозов – трех номеров «Логоса», посвященных Жилию Делезу. А Латур и Делез – два наиболее мощных теоретика онтологии различия. И здесь удивительно то, что оба они видят спекулятивный реализм в качестве средства радикализации социально-политических и эпистемических аспектов этой онтологии. Писарев опять-таки обращается к спекулятивному реализму как к виду экспериментального философского творчества. На мой взгляд, весьма показательно то, что Писарев/Морозов пишут в предисловии к работе Г. Хармана «Спекулятивный реализм». С их точки зрения, спекулятивный реализм ценен в первую очередь тем, что он представляет «разнообразие конфликтующих идей, благодаря которому спекулятивный реализм стал живым и удивительным событием в континентальной философии» [Харман 2019: 39]. И далее:

Это разомкнутое пространство задается достаточно широкими координатами, установленными реализмом и спекуляцией, устранением субъекта из центра философии, приоритетом онтологии и интенсивным интересом к проблематике природы и результатам естественных наук, математики и кибернетики. Но сами координаты ничем не гарантированы и не контролируются, они открыты для стихийных или направленных изменений, поэтому в пространство контингентно и вполне может предать своих основателей, у него нет вышестоящего арбитра или оператора процессов [Харман 2019: 39].

Мне кажется, что Писарев/Морозов хотят сказать то, что для них тезис Хармана о возможности появления множества самых разнообразных философских концепций, не связанных заранее с какими-то данным а priori схемами, является усилением тезиса о многообразии онтологий и творческих сингулярностей, являющихся постоянным предметом обсуждения Фуко, Делёза, Барта и др. Однако здесь можно продолжить линию аргументации Писарева/Морозова и сказать, что наше формирующееся философское поколение готово в своем онтологическом радикализме пойти еще дальше упомянутых французских философов. Последние при всей своей подрывной в отношении различных форм единства и универсальности – академичности, фаллоцентризма, этничности, тоталитаризма – не могут подорвать национальную ориентированность онтологии различия, ее ориентацию на французский язык и специфическую коммуникабельность, которую Нанси назвал «непроизводимым сообществом» со всеми ее соответствующими умолчаниями и правилами построения дискурса. То же и с постопераистским наследием неомарксизма, где теория множеств (как и у Вирно) является теорией угнетенного класса и вместе с тем несет с собой революционную утопию освобождения. В этом плане мое поколение, по-видимому, настаивает на чистой множественности, где связь между различными творческими концепциями остается чисто контрактной, контингентной.

Случайные связи

Многие считают, что подчеркнутый индивидуализм и некоторая асоциальность являются характерными чертами моего поколения, которое часто называют поколением миллениалов или поколением Y. Во-первых, в постсоветской ситуации, в которой формируется наше поколение, уже больше нет тех сплывающих вызовов, которые стояли перед шестидесятниками в виде официальной советской идеологии или представителями российского поколения X (родились в конце 1960-х), помогавшими друг другу в голодные годы шоковой

терапии и ценившими своих учителей. Во-вторых, в отличие от других поколений, миллениалы якобы формировались в цифровой среде, которая по своей структуре не предполагает наличия устойчивых объединений, а лишь фланирование от одного домена к другому. В этом плане миллениалы не только поражены в навыках живого общения, которыми в высокой степени обладали шестидесятники и поколение X, но вообще не склонны его ценить. Отсюда разнообразные явления социального аутизма, которыми изобилует наше поколение. У меня есть много знакомых (среди них и учившиеся со мной на философском факультете), которые живут в полном одиночестве только потому, что тяготятся даже простых дружеских связей, ибо последние требуют вовлеченности, подрывающей границы их идентичности³. По-видимому, представители нашего поколения не терпят никаких добровольных коммуникативных обязательств. Многие из нас на 1-м или 2-м курсах могли участвовать в различных молодежных субкультурах (панки, готы, эмо и др.), кружках, объединениях, но быстро «завязывали», поскольку это ограничивало возможный социальный выбор. В своих отношениях с другими людьми они ориентируются на эмоциональные связи, концептуальные кооперации или рабочие отношения, которые они не будут поддерживать искусственно или пытаться возобновить, если таковые вдруг ослабели или исчезли. Конечно, нельзя сказать, что наше поколение асоциально, но его связи явно не имеют прочности.

Я думаю, что мое и, вероятно, будущие поколения в перспективе будут существовать в реальности, где представление о сообществе как о чем-то большем, чем о постоянно меняющемся наборе функциональных связей, будет окончательно скомпрометировано. Эмиль Дюркгейм представлял себе общество в качестве органического целого, основанного на солидарности его членов. Уже почти полвека назад подобного рода понимание было признано мифом под воздействием того, что Ж.Ф. Лиотар называл «делегитимацией метарративов» (ситуация «После Освенцима»). Однако сегодня мифом представляется вообще любая связь, выходящая за пределы своего актуального содержания, ограниченного уходящим моментом настоящего, не имеющего прошлого или будущего. Кажется, в сегодняшних социальных реалиях цифрового капитализма и «Новой этики» не будет востребована и идея Деррида о дружбе как схватывании в другом некой парадоксально сближающей интимной, почти мистической инаковости (что-то вроде инаковости божества). Любая связь с другим человеком сегодня есть только то, что она есть, и не более того. Конечно, подобная связь может быть эмоциональной, аффективной, связанной с общими интересами, проектами и мировидениями, но в ней не содержится ничего кроме конкретного содержания, которое легко может быть описано, представлено и даже оцифровано.

В ожидании Новых Богов

В целом мое «философское поколение» если и существует, то лишь в зачаточном состоянии. Можно выдвигать любые прогнозы относительно его будущего. Кроме того, оно весьма разнородно. Было бы весьма наивно полагать, что его ждет какая-то общая судьба. Однако мне кажется весьма любопытной гипотеза, которую выдвигают Писарев / Морозов. С их точки зрения, спекулятивный реализм означает возврат к докантовской войне соперничающих метафизических систем. Если одним из его аспектов в корреляционистского поворота было внесение единодушия в метафизику, которая, с точки зрения Канта, представляла собой арену, «как будто

³ Можно упомянуть «Хикикомори» – социальное явление японской культуры, связанное с многолетней добровольной изоляцией молодых людей от общества, предполагающей отказ от работы, общения. Такие люди могут годами и даже десятилетиями не выходить из дома и жить на иждивении у родственников и не иметь даже узкого круга общения. Особенно любопытным является то, что если раньше оно связывалось с клиническим аутизмом, то сегодня уже постепенно нормализуется и становится одной из форм существования «в обществе», пусть и порицаемой. См.: URL: <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/pulse/435/>

приспособленную только для упражнений в борьбе, арену, на которой ни один боец еще никогда не завоевал себе места и не мог обеспечить себе своей победой прочное пристанище» [Кант 2015: 22], то спекулятивный реализм словно бы возвращается назад к этому полю борьбы, где каждый может утверждать свою собственную «систему», не сообразуясь ни с какими общими правилами. В самом деле, если брать голдсмитовскую четверку, то каждый из ее участников действительно создал свою собственную оригинальную философскую концепцию сходства. Их концепции находятся в полемике друг с другом, для которой нет каких-то конвенций. Каждый судит о другом, исключительно исходя из своей собственной внутренней аргументации, прекрасным свидетельством чему является уже сама работа Хармана о спекулятивном реализме, на которую мы постоянно ссылаемся. Быть может, поколение философских миллениалов возьмет пример с голдсмитовской четверки и представит ряд конкурирующих метафизических систем. А возможно, этого и не случится, и оно продолжит чисто исследовательскую работу, оттачивая свой аналитический инструментарий. Быть может, мое поколение вообще окажется не замеченным историей, а на философском поприще прославится поколение тех, кому сегодня по 20 лет. Думать о поколенческом будущем философов, находящихся еще в самом начале своего пути, всё равно что гадать на кофейной гуще. Могли бы мы предсказать известную нам сегодня судьбу шестидесятников из перспективы 1965 года? Скорее всего нет! Позвольте мне вернуться к вопросу о моих философских сверстниках через несколько десятилетий.

Кант И. 2015. *Критика чистого разума*. – М.: Эксмо.

Мейясу К. 2013. Время без становления. – *Гефтер*. 14.02.2013. – Доступно: <http://gefter.ru/archive/7657>. – Проверено: 21.05.2024.

Левада Ю., Шанин Т. 2005. *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России*. – М.: Московская школа социальных и экономических наук. – 327 с.

Харман Г. 2019. *Спекулятивный реализм: введение*. – М.: РИПОЛ классик.